

— Готов.

Незаметно даже время стало течь мягче. Напоследок Сюй Яньчжи сцеловал его слезы и тихо позвал по имени:

— Сяо Бай.

Он достал черный бархатный футляр, который давно спрятал под подушкой, и открыл его. Внутри лежали два одинаковых платиновых кольца из серии CDECATIER. Снаружи на них был закреплен крошечный бриллиант и выгравировано название бренда, а на внутренней стороне — инициалы Шэнь Тинбая и Сюй Яньчжи.

Он надел одно из колец на безымянный палец левой руки Шэнь Тинбая. Тот посмотрел на свою руку, а затем взял второе кольцо из коробочки и надел его на безымянный палец левой руки Сюй Яньчжи.

Они почти одновременно произнесли:

— Я люблю тебя.

Наконец, прорвавшись сквозь поток времени, преодолев тысячи преград, пройдя путь от несмышленных юношей до зрелых мужчин, они снова коснулись друг друга и обрели друг друга.

Вечная любовь в этом мире чаще всего случается после долгой разлуки, и с этого момента они больше не расстанутся.

Сюй Яньчжи было семь лет. То лето он проводил за уроками рисования и игры на фортепиано. В одну из пятниц июня, закончив занятия музыкой, он в сопровождении семейного водителя отправился рисовать к реке недалеко от дома.

Водитель, дядя Ли, мужчина лет сорока, расстелил на траве подстилку, установил мольберт, подготовил место и разложил масляные мелки маленького господина, после чего доложил:

— Маленький господин, все готово.

— М-м, спасибо, дядя Ли, — Сюй Яньчжи, хоть и был еще совсем ребенком, вел себя очень вежливо. На нем была белая рубашка с коротким рукавом, черные шорты на подтяжках, белые носочки и черные туфли с круглыми носами.

Сюй Яньчжи с детства не любил улыбаться и был немногословен — все говорили, что он вылитый отец, Сюй Ифэн. На его детском личике застыло выражение непривычной для ребенка серьезности, что, как ни странно, придавало ему особое очарование.

Сюй Яньчжи сел рисовать закат. На самом деле он не любил рисовать, но мама сказала, что это полезно, и он согласился.

Вернувшись после телефонного разговора, дядя Ли увидел, что мальчик рисует реку. Вода в ней отливала сумерками, а от легкого ветра по поверхности бежала рябь.

— Маленький господин, хозяин возвращается. Скоро приземлится в аэропорту, поедem встречать? — дядя Ли присел рядом.

— Дядя Ли, поезжайте вы. Я не поеду, останусь здесь рисовать, — Сюй Яньчжи не прервал работу.

— Ну как же так? Оставить вас одного я не могу, беспокойно мне. Поехали со мной, — уговаривал его водитель.

Во-первых, он действительно переживал за семилетнего ребенка, а во-вторых, надеялся, что это поможет сблизить отца и сына. Странно, но Сюй Ифэн, у которого был единственный сын, не проявлял к нему особой теплоты, да и Сюй Яньчжи не тянулся к отцу.

— Дядя Ли, я не буду бегать. Тут недалеко до дома, я не потеряюсь, не волнуйтесь, — Сюй Яньчжи отложил мелок и серьезно посмотрел на него. — У папы тяжелый характер, если опоздаете, он рассердится.

Дядя Ли взглянул на часы — времени действительно оставалось в обрез. Пришлось согласиться.

На площадке неподалеку закончились занятия в детском саду, и родители начали разбирать детей. Группа мальчишек увлеченно играла в шарики.

— Старшак, ты крут, опять выиграл!

— Это вы слабые. Скучно, больше не играю.

Тот самый старшак встал и, скучая, подбросил шарик. Тот покатился и остановился у ног Сюй Яньчжи. Мальчик подошел к нему:

— Эй, малец. Мой шарик не видел?

Сюй Яньчжи отложил мелок, огляделся, поднял шарик и протянул ему. Старшак забрал его, но не ушел, а присел рядом, наблюдая за рисунком.

— Ты что, рисуешь? Что это? Зачем рисовать реку? Скукотища, не находишь? Эй, ты чего молчишь? Немой, что ли?

Старшак засыпал его вопросами, но Сюй Яньчжи не ответил ни на один, продолжая рисовать с непроницаемым лицом.

Вокруг собрались другие дети. Старшаку стало обидно, что его игнорируют, и он демонстративно смахнул мелки Сюй Яньчжи:

— С тобой разговаривают, ты что, немой? Почему молчишь?

Сюй Яньчжи поднял мелок, отряхнул его и, не глядя ни на кого, тихо сидел на подстилке.

— Точно немой, бедняга, говорить не умеет, — усмехнулся старшак, и вокруг тут же зашептались: Бедняжка, немой.

Грязными руками старшак толкнул Сюй Яньчжи, оставив на его белоснежной рубашке черные отпечатки.

— Ван Сяоцян, ты что творишь! — раздался издалика звонкий детский крик.

Сюй Яньчжи поднял голову. К ним шел мальчик в футболке с мультяшным медведем и черных шортах, обутой в синие кроссовки. За ним следовали еще двое.

Ван Сяоцян в ярости рявкнул:

— Шэнь Тинбай, опять ты!

— Точно, это я. Опять обижаешь слабого?

— Я не обижаю, я пытался поговорить, а он молчит. Оказалось, он немой.

— Я еще издалика видел, как ты его толкнул! Тяньюань, Цяоцяо, бей его!

Шэнь Тинбай сжал кулаки, готовясь к драке. Старшак был крупным, но трусливым. Получив от Шэнь Тинбая раньше, он, не раздумывая, бросился наутек.

— Дерутся! Шэнь Тинбай опять дерется! — вопил он на бегу, а его приспешники кинулись следом.

— Тяньюань, Цяоцяо, идите следом, посмотрите, кому он побежит жаловаться, — распорядился Шэнь Тинбай.

На площадке остались только двое.

— Ты в порядке? — Шэнь Тинбай подумал, что тот упал, и протянул руку, чтобы помочь подняться. Сюй Яньчжи покачал головой, не принимая помощи.

— Ты правда не умеешь говорить? — Шэнь Тинбай присел на корточки, наклонив голову. — Ты такой красивый, прямо как принц из мультика.

Он улыбнулся, и его глаза превратились в полумесяцы. Сюй Яньчжи взглянул на него и внезапно покраснел.

— Эй? Ты чего? Тебе плохо? — Шэнь Тинбай заглянул ему в лицо.

— Я в порядке, — наконец произнес Сюй Яньчжи.

Шэнь Тинбай явно удивился:

— Оказывается, ты умеешь говорить!

Он потянулся своей нежной ручкой и попытался стряхнуть грязь с рубашки Сюй Яньчжи:

— Кажется, не отстирывается. Тебе дома не влетит?

Сюй Яньчжи снова замолчал, лишь покачав головой.

— А где ты живешь? Почему один? — с любопытством спросил Шэнь Тинбай.

— Мой дом там, — Сюй Яньчжи указал направление. — Дядя Ли поехал за папой, скоро будет.

— О, тогда я подожду с тобой. Пока я здесь, они тебя не тронут.

Шэнь Тинбай не стал садиться на подстилку, а просто плюхнулся прямо на траву. Сюй Яньчжи посмотрел на этого мальчишку, который был на голову ниже его, и подвинулся, приглашая сесть на коврик. Шэнь Тинбай, ничуть не смутившись, с улыбкой пересел.

— Я Шэнь Тинбай, а тебя как зовут? — спросил он, скрестив ноги.

— Сюй Яньчжи.

— Сюй что?

— Яньчжи.

— О, Ласточка, маленькая ласточка!

— Не ласточка, а... — Сюй Яньчжи не знал, как объяснить, и написал свое имя на бумаге.

Шэнь Тинбай посмотрел:

— О, я не знаю этого иероглифа. Что он значит?

Сюй Яньчжи аккуратно подписал транскрипцию и объяснил:

— Янь значит рассвет, ясный восход солнца.

— О, так это восход! — Шэнь Тинбай пришел в восторг. — Восход — это же невероятно красиво! Папа говорил, что солнце, которое только что взошло, — это надежда! Значит, твое имя — самый красивый пейзаж!

— А вот как пишется мое имя, — Шэнь Тинбай взял мелок и размашистым, небрежным почерком вывел рядом с аккуратными иероглифами Сюй Яньчжи свое имя.

Сюй Яньчжи посмотрел на крупные знаки:

— Красивое имя. Почему тебя так называли?

— Папа по фамилии Шэнь, мама по фамилии Бай. Папа во всем слушается маму, вот и дал мне такое имя.

Сюй Яньчжи кивнул:

— Понятно, у дяди и тети очень хорошие отношения.

— Ага, они очень любят друг друга и меня, — Шэнь Тинбай улыбнулся.

Сюй Яньчжи снова покраснел.

— Эй, Ласточка, ты чего опять красный? — Шэнь Тинбай, не понимая причины, ущипнул его за щеку. — Ух ты, какая мягкая кожа!

— Не надо... — Сюй Яньчжи хотел оттолкнуть его руку, но в последний момент передумал и позволил ему продолжать.

Через полчаса приехал дядя Ли:

— Прошу прощения, маленький господин, пробки. Идемте домой.

— Да.

Сюй Яньчжи встал и протянул руку Шэнь Тинбаю, помогая ему подняться.

— Э, а это кто? — с подозрением спросил водитель.

— Дядя Ли, это мой... друг, Шэнь Тинбай, — робко сказал Сюй Яньчжи.

Шэнь Тинбай широко улыбнулся:

— Здравствуйте, дядя Ли! Я друг Сюй Яньчжи, зовите меня просто Сяо Бай.

Сюй Яньчжи украдкой взглянул на него, и Шэнь Тинбай снова улыбнулся ему в ответ. Они не разжимали рук до самого конца.

Когда Сюй Яньчжи сидел на заднем сиденье машины, Шэнь Тинбай стоял у окна:

— Пока, Ласточка!

— Спасибо тебе за сегодня.

— Не за что, — важно ответил Шэнь Тинбай. — Мы же друзья, а друзьям «спасибо» не говорят.

Машина тронулась. Шэнь Тинбай пошел к себе, но вдруг услышал голос:

— Сяо Бай!

Это был Сюй Яньчжи. Шэнь Тинбай обернулся и побежал назад:

— Что такое?

Сюй Яньчжи, запыхавшись, протянул ему синий мелок, которым тот только что писал:

— Я... я могу еще прийти поиграть с тобой?

Шэнь Тинбай сжал мелок в руке:

— Конечно! У меня завтра начинаются каникулы. Я живу в том переулке, приходи в любое время.

— Хорошо, я приду.

Сюй Яньчжи вернулся к машине, а Шэнь Тинбай долго махал ему рукой, прежде чем уйти домой.

Вечером дома отец, сидя на диване с газетой, бросил:

— Вернулся?

— Да, папа.

Сюй Яньчжи стоял у дивана. Отец поднял взгляд, нахмурившись:

— Почему ты такой грязный? Я же говорил, не пачкай одежду.

— Прости, больше не повторится.

Мальчик стоял, сжимая в руке черный мелок.

— Переоденься и иди ужинать, — Сюй Ифэн снова уткнулся в газету. Он только что вернулся из командировки, в белой рубашке, с туго затянутым галстуком. Мужчина в самом расцвете сил, с безупречной внешностью.

— А-Янь вернулся? — по лестнице спустилась молодая красивая женщина в нежно-голубом платье.

— Неужели нельзя нормально поговорить с сыном? — Шу Цин укоризненно посмотрела на мужа.

— Да, мама, я пришел.

— Пойдем, переоденешься, и будем ужинать. Тетя Лю приготовила твои любимые ребрышки в кисло-сладком соусе.

Сюй Яньчжи молча кивнул и взял маму за руку. Переодевшись, он вышел из комнаты.

— Мама, можно мне носить другую одежду? — он указал на свою белую рубашку.

— Какую же? — Шу Цин присела перед ним.

— Просто черную футболку.

— Хорошо, завтра купим.

Шу Цин была счастлива: сын впервые о чем-то попросил. Обычно он лишь кивал на все предложения.

За ужином Сюй Ифэн ел молча. Шу Цин постоянно спрашивала сына, вкусно ли ему, на что он отвечал: «Вкусно».

Сюй Ифэн строго прервал их:

— Сюй Яньчжи, за едой не разговаривают.

— Почему ты не скажешь это мне? — Шу Цин отложила палочки.

Отец замолчал.

Вскоре Шу Цин почувствовала тошноту и ушла в ванную, но ее не вырвало. Сюй Ифэн с тревогой стоял у двери:

— Сяо Цин, ты как?

— В последнее время желудок часто беспокоит, — сказала она, выходя из ванной. Лицо ее было бледным.

— Поедем в больницу, — распорядился Сюй Ифэн и позвонил водителю.

— Давай завтра, не горит, сначала поедем, — попыталась возразить она.

— Нет, ты же ешь и сразу чувствуешь плохо. Едем сейчас, — Сюй Ифэн был непреклонен.

Уходя, Шу Цин виновато посмотрела на сына:

— А-Янь, мама съездит в больницу, ты поешь один, ладно?

— Хорошо.

Оставшись один, Сюй Яньчжи заглянул на кухню к тете Лю:

— Тетя Лю, можете мне почистить креветки?

— Конечно, иду!

Когда тетя Лю села за стол, Сюй Яньчжи принес ей приборы:

— Тетя Лю, ешьте со мной.

— Хорошо, поем с тобой.

Около восьми вечера родители вернулись. Тетя Лю встретила их:

— Хозяин, ужин подогрет. Госпожа, как желудок? Я сварила кашу, она теплая.

Сюй Ифэн передал ей пальто и нежно обратился к жене:

— Поешь немного, не голодай.

Шу Цин просияла и побежала вверх к сыну. Сюй Ифэн крикнул вслед:

— Не беги так быстро!

— А-Янь, — постучала она в дверь. Сюй Яньчжи открыл:

— Мама, ты вернулась. Ты в порядке?

Шу Цин присела и обняла его:

— А-Янь, у тебя будет младшая сестренка.

— Где она?

Она коснулась живота:

— В мамином животике, уже почти два месяца.

Сюй Яньчжи просиял:

— Поздравляю, мама!

— Теперь тебе не будет скучно, — она погладила его по голове.

С того дня в доме началась подготовка. Сюй Ифэн стал реже уезжать в командировки. Шу Цин начала покупать детские вещи — сплошь розовые. Сюй Яньчжи, помимо занятий, все свободное время проводил с мамой и будущей сестренкой. Жизнь текла размеренно и была полна надежд.

Сюй Яньчжи, когда родители уехали в Бэйчэн, остался один. Проходя мимо дома Цзян Чжи, он услышал, как тот кричит с балкона второго этажа:

— Яньчжи, ты куда?

Сюй Яньчжи остановился:

— В Тайгу.

— Опять туда? Когда мы уже вместе покатаемся на лошадях? — крикнул Цзян Чжи. Яньчжи давно с ним не играл.

— В следующий раз, — ответил тот и ушел.

Жилой комплекс Тайгу был старым, с извилистыми улочками и двухэтажными особняками.

<http://bllate.org/book/19378/1894986>